

На правах рукописи

ТАЦЕНКО Маргарита Сергеевна

**ВЕРБАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В
ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ
(на материале русского и немецкого языков)**

5.9.8. – Теоретическая, прикладная, сравнительно-сопоставительная
лингвистика

АВТОРЕФЕРАТ
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Майкоп – 2024

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Адыгейский государственный университет»

Научный руководитель: **Хачмафова Зайнета Руслановна,**
доктор филологических наук, профессор

Официальные оппоненты: **Катермина Вероника Викторовна,**
доктор филологических наук, профессор,
кафедра английской филологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»,
профессор;

Серебряков Анатолий Алексеевич,
доктор филологических наук, доцент,
кафедра отечественной и мировой литературы
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», профессор.

Ведущая организация: ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» (г. Симферополь).

Защита состоится «6» февраля 2025г. в 10.00 часов на заседании диссертационного совета 24.2.267.03 в ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет» по адресу: 385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Первомайская, 208, конференц-зал.

С текстом диссертации можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет» по адресу: 385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Пионерская, 260, и на сайте университета <https://adygnet.ru/nauka/aspirantura-doktorantura-dissertatsionnye-sovety/dissertation/6535/>

Автореферат разослан «__» _____ 202__г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

 Е.А. Богданова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертация посвящена проблеме исследования особенностей вербальной репрезентации гендерных стереотипов в художественном дискурсе в аспекте когнитивной лингвистики и невербальной семиотики.

Степень разработанности проблемы. В современной лингвистической науке наблюдается постоянный интерес к изучению особенностей проявления гендера в языке и дискурсе, что находит свое подтверждение в научных исследованиях, посвященных данной проблеме. В зарубежной науке одним из основоположников гендерных исследований в лингвистике можно считать Р.Лакофф [Lakoff, 1973]. Проблемы изучения мужского и женского речевого поведения, взаимосвязи пола и рода в языке, гендерной стереотипизации отражены в исследованиях Д. Таннен, С. Трёмель-Плётц, Л. Пуш [Tannen, 1994; Trömel-Plötz, 1972, 1982; Pusch, 1990]. В отечественной лингвистической науке в постсоветский период начало гендерным исследованиям были положены И.И. Халеевой [Халеева, 1999], А.В. Кирилиной [Кирилина, 1999, 2001, 2004, 2005], М.В. Томской [Кирилина, Томская, 2005]. Гендерную специфику невербальных знаков женской и мужской коммуникации описал Г.Е. Крейдлин [Крейдлин, 2005]. Результаты анализа мотивации выбора грамматических, лексических и стилистических языковых единиц в зависимости от гендерных предпочтений автора художественного текста изложены в работе З.Р. Хачмафовой [Хачмафова, 2011]. Изучению гендерных стереотипов женственности/феминности и мужественности/маскулинности посвящены труды Т.В. Рябовой [Рябова, 2001, 2003], В.А. Ефремова [Ефремов, 2011, 2016]. Концепции, изложенные в трудах данных ученых, составили теоретическую основу данной диссертационной работы. В лингвистической науке не снижается интерес к гендерным исследованиям, что свидетельствует об актуальности данной проблематики.

Вопросы изучения особенностей языковой репрезентации гендерных концептов и гендерных стереотипов в разных дискурсах и лингвокультурах активно исследуются в диссертационных и монографических работах последних десятилетий. Например, в рамках исследования гендерных особенностей функционирования невербальных компонентов в коммуникативном поведении языковой личности Н.В. Дутова выявила и описала специфику маскулинного и фемининного русского, английского и китайского невербального коммуникативного поведения [Дутова, 2014].

Е.С. Зиновьева исследует особенности языковой репрезентации представлений о современных мужчине и женщине в дискурсе англо- и русскоязычных мужских и женских глянцевого журналов [Зиновьева, 2018]. Вербализации концептуально-когнитивного фрейма «Идентичность женщины» в английской лингвокультуре посвящена работа Л.П. Мурашовой [Мурашова, 2018]. В диссертации М.А. Гаталовой представлены результаты осмысления особенностей маскулинного и фемининного поведения в условиях делового общения через анализ вербальных и невербальных компонентов коммуникации на материале английского языка [Гаталова, 2019].

К анализу лексическо-семантических средств репрезентации концепта «женщина» в британских газетах начала XX века и начала XXI века обращена диссертация Г.А. Матуновой [Матунова, 2019]. В диссертационном исследовании В.К. Барашян описаны когнитивно-дискурсивные, семиотические и лингвокультурные особенности репрезентации базовых гендерных концептов в совокупности их предметных, образных и ценностных характеристик на материале русского и английского языков [Барашян, 2019].

Изучению структурно-содержательной организации и особенностей функционирования гендерного стереотипа в качестве нормативно-оценочной схемы осмысления и языковой интерпретации гендерной параметризации дискурса с точки зрения носителей русского языка посвящена диссертационная работа М.Ю. Товкес, выполненная в рамках междисциплинарного подхода [Товкес, 2023].

Несмотря на многообразие лингвистических работ, посвященных проблеме гендера и гендерных стереотипов, многие вопросы не решены в полной мере и требуют дальнейших научных изысканий. В связи с этим изучение особенностей вербализации стереотипов фемининности и маскулинности в художественном дискурсе с учетом положений когнитивной лингвистики и невербальной семиотики представляется **актуальным** и способствует дальнейшему осмыслению когнитивных механизмов формирования и вербализации гендерных стереотипов.

Актуальность научных подходов обусловлена тем, что проведенное исследование, во-первых, расширяет представления о принципах фреймового моделирования гендерных стереотипов в художественном дискурсе; во-вторых, способствует описанию компонентов невербального коммуникативного поведения женского и мужского персонажа в художественном дискурсе. Исследование вербальной репрезентации гендерных стереотипов фемининности и маскулинности в художественном дискурсе на материале русского и немецкого языков способствует установлению универсальных параметров в двух лингвокультурах, что актуально для теории языка, сравнительно-сопоставительной лингвистики, лингвокультурологии.

Объектом диссертации являются вербальные средства репрезентации гендерных стереотипов фемининности и маскулинности в русскоязычном и немецкоязычном художественном дискурсах.

Предметом исследования выступают когнитивные и семиотические особенности репрезентации гендерных стереотипов фемининности и маскулинности в русскоязычном и немецкоязычном художественных дискурсах.

Материалом исследования послужили художественные тексты классической и современной литературы на русском и немецком языках конца XIX – начала XXI вв. В диссертации были использованы данные «Национального корпуса русского языка» (НКРЯ: <https://ruscorpora.ru/>) и его параллельного корпуса на немецком языке, а также корпуса немецкого языка «Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache» (DWDS: <https://www.dwds.de/>),

которые располагают художественными текстами разных жанров и разного временного отрезка.

Объем картотеки выборки составил более 2000 лексических единиц и конструкций на русском и немецком языках.

Гипотеза исследования состоит в том, что когнитивная и семиотическая репрезентация гендерных стереотипов в русскоязычном и немецкоязычном художественных дискурсах отражает устойчивые представления о маскулинности и фемининности в русском и немецком языках и лингвокультурах.

Цель представленного диссертационного исследования заключается в изучении и описании когнитивных и семиотических особенностей репрезентации гендерных стереотипов фемининности и маскулинности в русскоязычном и немецкоязычном художественных дискурсах.

Поставленная цель обусловила решение следующих **задач**:

1) обосновать методику когнитивно-фреймового моделирования для описания гендерных стереотипов фемининности и маскулинности в художественном дискурсе;

2) построить фреймовую модель гендерных стереотипов фемининности и маскулинности в художественном дискурсе и описать лексическое наполнение выделенных субфреймов и слотов;

3) выявить невербальные (знаковые) компоненты фемининного и маскулинного коммуникативного поведения персонажа в художественном дискурсе;

4) проанализировать семантику лексических номинаций невербальных знаков фемининности и маскулинности в художественном дискурсе;

5) установить роль прецедентных имен как семиотических знаков в репрезентации гендерных стереотипов фемининности и маскулинности в художественном дискурсе.

Методы исследования. В работе были использованы метод *сплошной выборки* для выявления контекстов манифестации гендерных стереотипов в художественном тексте; метод *контекстологического и интерпретативного анализа* для выявления и интерпретации языкового материала из художественных текстов; метод *фреймового моделирования* для построения фреймовой схемы гендерных стереотипов фемининности и маскулинности в художественном дискурсе; метод *лексико-семантического анализа* для выявления и описания семантики лексических номинантов невербальных знаков фемининности и маскулинности в художественном тексте; метод *лингвокультурного анализа* для установления универсальных параметров и специфики вербальной репрезентации стереотипов фемининности и маскулинности в русской и немецкой лингвокультурах.

Теоретической базой данного исследования послужили концепции и положения, изложенные в научных трудах отечественных и зарубежных ученых по проблемам гендера (Е.И. Горошко 1996, 1997; В.А. Ефремов 2010, 2012; В.В. Катермина 2020; А.В. Кирилина 1997, 1999, 2005, 2010, 2015; И.И. Халеева 1999,

2000; З.Р. Хачмафова 2011, 2021; Р. Унгер 2003, D. Cameron 1992; J. Coates 1995; Н. Kotthoff 1996; R. Lakoff 1973; D. Tannen 1994 и др.; когнитивной лингвистики (Н.Н. Болдырев 2000, 2006, 2014; В.З. Демьянков 1996, 2001; В.И. Карасик 2005, 2012, 2022; В.В. Красных 2002, 2003, 2004; Е.С. Кубрякова 2004; В.А. Маслова 2004; Е.В. Рахилина 2018; Г.Г. Слышкин 2002 и др.; невербальной семиотики (Т.Н. Астафурова 2008; Р. Барт 1994; Ф.И. Карташкова 2006, 2014, 2016; Г.Е. Крейдлин 2001, 2003, 2005, 2007; А.В. Олянич 2004, 2014; В.А. Лабунская 1986, 2004; У. Эко 2004 и др.).

Положения, выносимые на защиту:

1. В русскоязычном и немецкоязычном художественных дискурсах вербализованные гендерные стереотипы выступают средством конструирования женского и мужского образа, они актуализируют фемининные или маскулинные характеристики внешности, характера, вербального (прямой и внутренней речи) и невербального (авторской речи) поведения, вещного окружения женского и мужского персонажа.

2. Фреймовая модель гендерных стереотипов фемининности и маскулинности в русскоязычном и немецкоязычном художественном дискурсах представляет собой сложную многоуровневую иерархическую структуру субфреймов и слотов с особенностями их взаимосвязи и лексического наполнения в двух лингвокультурах. Субфрейм «Гендерная идентичность / Geschlechtsidentität» реализуется слотами: «Биологическое измерение пола / Biologische Dimension des Geschlechts», «Соматические и физические особенности / Somatische und körperliche Merkmale» и «Эмоционально-психологические особенности / Emotionale und psychologische Merkmale». Субфрейм 2. «Гендерные роли / Geschlechterrollen» реализуется слотами: «Социокультурные особенности / Soziokulturelle Charakteristika», «Гендерная роль в семье / Geschlechterrolle in der Familie», «Профессиональный статус / Berufsstatus».

3. Невербальные компоненты фемининного и маскулинного коммуникативного поведения персонажа в художественном дискурсе вербализуются через невербальные семиотические знаки фемининности и маскулинности (знаки-кинемы, проксемические знаки, знаки-процессивы, знаки-просодемы, знаки-колоронимы, знаки-фэшионимы, гастические знаки, ольфакторные знаки).

4. Прецедентные имена выступают в качестве особых лингвокультурных семиотических знаков репрезентации гендерно обусловленных и гендерно мотивированных стереотипных характеристик и поведения женского и мужского персонажа в художественном дискурсе.

Научная новизна диссертации обусловлена тем, что исследование стереотипов фемининности и маскулинности в художественном дискурсе проведено с учетом когнитивного и семиотического подходов, что позволило проанализировать вербальную репрезентацию данных категорий как результат процесса концептуализации, стереотипизации и семиотизации. Установлены и описаны структура и содержание семантики стереотипов фемининности и

маскулинности в художественном дискурсе в русской и немецкой лингвокультурах посредством методики когнитивно-фреймового моделирования. Выделены и проанализированы кластеры невербальных семиотических знаков репрезентации фемининности и маскулинности как невербальных компонентов фемининного и маскулинного коммуникативного поведения персонажа в художественном дискурсе. Выявлены и описаны сферы-источники прецедентных имен как лингвокультурных семиотических знаков актуализации фемининности и маскулинности в художественном дискурсе в русской и немецкой лингвокультурах, что позволило установить специфику их репрезентации.

Теоретическая значимость работы определяется ее вкладом в дальнейшее развитие отечественной гендерологии, лингвокогнитологии, невербальной семиотики, в расширение представлений об особенностях вербальной репрезентации гендерных стереотипов в художественном дискурсе. Структурирование гендерных стереотипов фемининности и маскулинности в художественном дискурсе в виде фреймово-слотовой модели позволило установить особенности концептуализации и стереотипизации образа женщины и мужчины в русской и немецкой лингвокультурах, а также раскрыть культурно-историческую и лингвокультурную специфику их языковой объективации в художественном дискурсе.

Практическая ценность диссертации обусловлена возможностью использования основных результатов и выводов исследования в преподавании вузовских курсов лингвоконцептологии, когнитивной семантики, гендерологии, социолингвистики, лингвокультурологии, лексикологии. Представленный материал диссертации может быть использован в разработке спецкурсов по невербальной семиотике, лингвистическому анализу художественного текста.

Апробация. Результаты диссертационного исследования докладывались на кафедре общего языкознания Адыгейского государственного университета, а также были представлены на научных конференциях разного уровня: на Международной научной конференции «Scientific research of the SCO countries: synergy and integration» (Пекин, КНР, 2022); на Всероссийской форсайт-сессии «Язык, культура, образование: вызовы и перспективы» (Волгоград, 2022); на II Международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора Андрея Владимировича Олянича «Культура. Коммуникация. Дискурс: актуальные вопросы полиязычного пространства» (Волгоград, 2022); на IV Международной научно-практической конференции «WORLD OF SCIENCE» Пенза, 2023).

Основные положения и результаты исследования изложены в **9** публикациях, в том числе **5** статьях в рецензируемых научных изданиях, рекомендуемых ВАК РФ.

Структура работы. Работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность исследования, указываются объект и предмет исследования, степень разработанности проблемы, формулируются цель и задачи диссертации, выдвигается гипотеза, характеризуется фактический материал исследования, описываются методы исследования и теоретико-методологическая база диссертации, раскрываются научная новизна, теоретическая значимость и практическая ценность работы, представляются выносимые на защиту положения, приводится информация об апробации исследования.

Первая глава «Теоретические основы исследования гендерных стереотипов с позиций когнитивной лингвистики и невербальной семиотики» посвящена раскрытию сущности гендерных стереотипов фемининности и маскулинности и описанию основных подходов к их исследованию в лингвистической науке. Гендерный фактор представляет собой одну из важнейших характеристик человека, что вызывает интерес к изучению социальных факторов, определяющих отношение к поведению людей в зависимости от их пола. Гендер является «основным маркером репрезентации социально-культурных и психологических особенностей женской и мужской идентичности, а также фактором формирования гендерных ролей, гендерных стереотипов в социуме» [Хачмафова, Середа 2020: 7]. Слово «гендер» стало модным не только в научных исследованиях, но и в публичных дискуссиях. Это говорит о том, что интерес к данной проблеме не стихает, а возрастает. На наш взгляд, это связано с тем, что в современном обществе продолжают процессы размывания гендерных границ, уравнивания полов в социальном, экономическом и даже физиологическом планах. Термин «гендер» активно используется в психологии, социологии, языкознании и его использование позволяет показать не биологическую разницу женского и мужского пола, а социокультурную разницу представителей разных полов. Гендер представляет собой продукт культуры, отражающий представления общества о мужественности и женственности, или маскулинности и фемининности. Понятия «фемининность» и «маскулинность» являются одними из ключевых в гендерных исследованиях и обозначают психические и поведенческие свойства и черты, присущие мужчинам (маскулинность) или женщинам (фемининность), а также содержат различные социальные представления, мнения, установки о том, какими являются мужчины и женщины, и какие качества им приписываются.

Гендерные стереотипы рассматриваются как «культурно и социально обусловленные мнения и пресуппозиции о качествах, атрибутах и нормах поведения представителей обоих полов и их отражение в языке» [Слышкин, 2002: 66]; как ожидания или представления о том, какими характеристиками могут обладать женщины и мужчины в социуме [Hannover, 2006; Eckes, 2010]; как когнитивные структуры, которые содержат социально разделяемые знания о характеристиках женщин и мужчин [Ashmore, Del Boca, 1979], [Eckes, 1997]; «когнитивные схемы», предназначенные для упрощения обработки социальной

информации [Athenstaedt, Alfermann, 2011]. Таким образом, в лингвистической науке исследования гендерных стереотипов ведутся в основном в двух направлениях – это исследование стереотипов маскулинности/фемининности и стереотипов речевого поведения мужчин/женщин.

Гендерные стереотипы – это стандартные обобщённые представления о качествах, атрибутах и нормах поведения женщины и мужчины в социуме и их отражение в языке, а также оценочные представления о моделях фемининного и маскулинного коммуникативного поведения. В научных исследованиях довольно часто используют термины «фемининность», «маскулинность» и «женственность», «мужественность» в качестве синонимичных. На наш взгляд, их необходимо разделять. Как отмечает А.В. Кирилина, «маскулинность – категория исключительно гендерная, мужественность – понятие нравственности. Не каждый, даже очень маскулинный мужчина, может проявлять мужественность» [Кирилина, 2000: 39], т.е. не всякий мужчина может быть мужественным, и не всякая женщина может быть женственной. Лексикографический анализ слов *фемининность*, *маскулинность*, *женственность*, *мужественность* в русском языке позволил сделать следующие выводы: понятия «фемининность» и «маскулинность» – это комплекс женских и мужских телесных, психических и поведенческих особенностей, которые можно определить как гендерные роли. А понятия «женственность» и «мужественность» являются категориями нравственными, которые обозначают приписываемые обществом положительные черты характера женщины и мужчины (*женственная и нежная женщина; мужественный и смелый мужчина*). Анализ семантико-смысловых актуализаций слов *weiblich*, *feminine*, *Weiblichkeit* и *Femininität* показал, что семантика данных слова содержит в себе то, что считается типично женским, отражает характеристики, присущие женщине. И соответственно, семантика слов *männlich*, *maskulin*, *Männlichkeit* и *Maskulinität* отражает типично мужские, т.е. присущие мужчине, характеристики. В большинстве случаев слова *Weiblichkeit* и *Femininität*, а также *Männlichkeit* и *Maskulinität* по немецким лексикографическим источникам рассматриваются взаимозаменяемыми понятиями.

На наш взгляд, системный и комплексный анализ стереотипов фемининности и маскулинности возможен только в случае изучения особенностей репрезентации стереотипных представлений о внешности, характере и моделях поведения женщины и мужчины в дискурсе, в нашем случае в художественном дискурсе. Анализ отдельных лексем не дает полное представление о специфике формирования, содержания и функционирования гендерных стереотипов в языковой картине мира определенной лингвокультуры. Интерес к изучению гендерных стереотипов в художественном дискурсе объясняется во-первых, антропоориентированностью художественного текста, т.е. человек – это «его центр, та семантическая доминанта, которая обуславливает принципы организации текста, и в совокупности создает текстовое единство» [Дымарский, 1999: 118]; во-вторых, «языковое выражение

феминности и маскулинности наиболее ярко проявляется на текстовом уровне» [Кирилина, 2004: 134].

Изучение процесса стереотипизации образа женщины и мужчины в художественном дискурсе позволяет более глубоко осмыслить особенности формирования стереотипов феминности и маскулинности в русской и немецкой лингвокультурах, которые в работе изучаются на основе анализа вербального (прямой и внутренней речи) и невербального (авторской речи) поведения женского и мужского персонажа. Художественный дискурс, будучи частью культурного контекста определенной лингвокультуры, активно участвует в процессе формирования, трансляции и закрепления гендерных стереотипов и отражает все изменения, происходящие в глобальном мире и культурном сообществе. Этим и объясняется ценность изучения стереотипов феминности и маскулинности в художественном дискурсе в двух разных лингвокультурах, хотя и принадлежащих к общей европейской культуре.

Когнитивный и семиотический подходы к исследованию стереотипов феминности и маскулинности в художественном дискурсе дает возможность рассматривать их как результаты процессов концептуализации, стереотипизации и семиотизации. В основе гендерной стереотипизации лежат когнитивные механизмы формирования устойчивых представлений о маскулинности и феминности. На наш взгляд, фрейм является важнейшей единицей категоризации и концептуализации гендерных стереотипов в художественном дискурсе.

В процессе характеристики невербальных компонентов феминного и маскулинного коммуникативного поведения в русскоязычном и немецкоязычном художественных дискурсах мы основывались на классификации, предложенные Г.Е. Крейдлиным [Крейдлин 2002: 374] и А.В. Оляничем [Олянич, 2004: 213].

Во второй главе «Когнитивно-фреймовое моделирование феминности и маскулинности в художественном дискурсе» представлены результаты фреймового моделирования структуры и содержания гендерных стереотипов феминности и маскулинности в художественном дискурсе на материале русского и немецкого языков. Гендерные стереотипы феминности и маскулинности (стереотипный образ женщины и мужчины) в художественном дискурсе структурно представлены в виде субфреймов и слотов, что способствует более четкому и наглядному представлению смыслового наполнение данных подструктур и их взаимосвязи в художественном дискурсе. Фреймовая модель гендерных стереотипов феминности и маскулинности в русскоязычном и немецкоязычном художественных дискурсах представляет собой сложную многоуровневую иерархическую структуру субфреймов и слотов.

Субфрейм «**Гендерная идентичность /Geschlechtsidentität**» содержит информацию о стереотипных, оценочных представлениях о физиологических, психологических и эмоциональных характеристиках женщины и мужчины. **Слот 1.** «Биологическое измерение пола / Biologische Dimension des Geschlechts»

репрезентирует стереотипные представления о фемининности и маскулинности с помощью слов-номинантов, характеризующих принадлежность к определенному биологическому полу – к женскому или мужскому (*женский пол, самка, баба, беременная, роженица; мужской пол, самец, Weib, weibliches Geschlechtsteil, männliche Hormone, Vertreter des männlichen Geschlechts, Y-Chromosom-Träger* и др.). Идентификация женщины и мужчины связана в первую очередь с продолжением человеческого рода, производением человека на свет, т.е. способностью мужчины оплодотворить женщину, а женщины забеременеть, выносить и родить ребенка (*продолжение рода, мужская сила, Kind erwarten, Kind unter dem Herzen tragen, werdende Mutter*). Слово *самка* в русском языке используется для обозначения способности женщины к продолжению человеческого рода и имеет пренебрежительный оттенок: *Человеческая самка, с его точки зрения, была чем-то вроде 3D принтера, на котором печатают новых людей*. [Виктор Пелевин. Любовь к трем цукербринам]. В данном примере женщина (*человеческая самка*) сравнивается с 3D принтером – устройством для размножения.

Слот 2. «Соматические и физические особенности/ *Somatische und körperliche Merkmale*» представлен лексическими единицами, которые репрезентируют стереотипные представления о фемининных и маскулинных соматических и физиологических характеристиках. Широкие плечи, высокий рост и мужественный подбородок являются индикатором маскулинности: *мускулистое, крепкое тело, мускулистый торс, высокий рост, выраженный подбородок, мощная волосатая грудь, широкоплечий* и др. *Длинные ноги, тонкие щиколотки, широкие бедра*, самые яркие характеристики физиологии женщины. Женщина ассоциируется с красотой, а мужчина с силой (*weibliche Zierde, männliche Kraft*). Стереотипы фемининности и маскулинности претерпевают изменения под влиянием моды и навязывания новых стандартов и идеалов женской и мужской красоты. Это отражается и в художественной литературе, например: *Die jetzige Mode macht aus Männern Jungen, aber aus Frauen keine Mädchen, sondern auch junge Männer, das ist gut so, sieht einfach besser aus* [Dückers, Tanja: Spielzone, Berlin: Aufbau-Taschenbuch-Verl. 2002 [1999], S.134]. Перевод: *Современная мода делает из мужчин мальчиков, а из женщин не девушек, а тоже молодых людей – и это хорошо. Так просто лучше выглядит* [Здесь и далее перевод наш – М.Т.]. Образ женственного мужчины репрезентируется с помощью сравнения с фемининными качествами (*как баба, как у женщины*), например: *Вера дернулась — у Гарика не только ногти были как у женщины, он еще и фото в кошельке носил, как баба* [Маша Трауб. Ласточ...ка 2012].

Слот 3. «Эмоционально-психологические особенности / *Emotionale und psychologische Merkmale*» содержит лексические единицы, которые репрезентируют стереотипные представления о фемининных и маскулинных интеллектуальных, эмоционально-психологических поведенческих особенностях. Например, болтливость, стервозность и коварство считаются стереотипными качествами женщины: *Сама соседка была скверная баба, с постоянной хрипотой злобы в горле, притеснительное и сварливое существо; из дочерей одна — Вера, ничем не отличалась от обыкновенных уездных барышень,*

другая — Софья, — я в Софью влюбился [И.С. Тургенев. Гамлет Щигровского уезда]. Отрицательными характеристиками женщины представляются истеричность, легкомыслие и капризность: **Истеричная барынька, неумная, капризная, обожала изъясняться насчёт своей любви к мужу до гроба, заявляла, что не переживёт его** [Даниил Гранин. Зубр]. В художественном дискурсе репрезентируются стереотипные представления о мыслительных и умственных способностях женщины и мужчины (женщина: *мягкая, умница, дура, глупая, сообразительная, хитрая, женская логика* и др.; мужчина: *проницательный, здравомыслие, остроумный, ловкий, толковый, острый ум* и др.). Женский ум ассоциируется традиционно с хитростью, например: **Klug wie ein Schakal ist sie!, flüsterte Farid, als die Wachen zur Seite traten** [Cornelia Funke. Tintenblut, 2005]. Перевод: *Она хитрая, как шакал! — прошептал Фарид, когда стража расступилась.* В данном примере женский ум сравнивается с шакалом, который считается самым хитрым и умным животным, используется сравнение *klug wie ein Schakal*. Словосочетание «мужской ум» употребляется только с положительной семантикой: *Некрасива она была, и даже молодость не красила ее, но чисто мужской ум был в ее маленькой головке* [А.И. Красницкий. Трон и любовь]. Обладание мужским умом для женщины является преимуществом, а женский ум представлен *слабым, специфичным, изысканным, подлым* и т.д., напр.: *В новой Астре проявилась, видимо, скрывавшаяся полнотой нервность, она ее молодила и даже делала соблазнительной, что, конечно же, коробило и ее невестку, и Майку, потому что подлый женский ум наворачивал на это совсем уж лишнее* [Галина Щербакова. Восхождение на холм царя Соломона с коляской и велосипедом].

Субфрейм «Гендерные роли / **Geschlechterrollen**» содержит информацию о стереотипном гендерно-ролевом поведении женщины и мужчины, о стереотипных, оценочных представлениях о семейном, социальном и профессиональном статусах женщины и мужчины, о социально-поведенческих моделях, ожидаемые от женщин и мужчин в зависимости от пола, обусловленные гендерными социокультурными нормами. **Слот 1.** «Социокультурные особенности / **Soziokulturelle Charakteristika**» репрезентирует набор образцов социального поведения или нормы поведения женщины и мужчины в определенной социальной позиции. В художественном дискурсе отражаются существующие гендерные стереотипы в русской и немецкой лингвокультурах. Фемининные характеристики реализуются в следующих стереотипах. 1. **Женщина-хранительница домашнего очага.** *Dich hat der Mann gewählt, der sich nur nach Ruhe sehnt, den du pflegen sollst in seinem stillen Heim?* [E.Werner (Elisabeth Bürstenbinder). Fata Morgana]. Перевод: *Тебя выбрал человек, который жаждет покоя и за которым ты должна ухаживать у тихого домашнего очага.* [Эльза Вернер. Мираж (пер. С.М. Михайлова, 1995)]. 2. **Женщина – соблазнительница и обольстительница.** Стереотипный образ роковой женщины в художественном дискурсе представлен женщиной-вамп, возлюбленной, любовницей, фавориткой, особой подругой, жрицей любви, совратительницей, куртизанкой, гейшей и др. Роковая женщина – это женщина, противоположная «хранительницы домашнего очага»: *Soll sie als **biedere***

*Hausfrau auftreten, die zwar guten Kuchen bäckt, aber bestimmt keine **Femme fatale** ist?* [Noll, Ingrid: Ladylike, Zürich: Diogenes 2006, S. 112]. Перевод: *Должна ли она предстать в образе консервативной домохозяйки, которая печет хорошие торты, но точно не роковой женщиной?* 3. **Женщина – сексуальный объект для мужчины.** Для женщины статус жены выше статуса любовницы: *Sie war in der Meinung der Mißgunst nicht mehr **die dumme, eitle Geliebte des Herrn Fabrikdirektors, die ihr Lebensziel erreicht hatte, indem sie geheiratet worden war.*** [Düffel, John von: Vom Wasser, München: dtv 2006, S. 208]. Перевод: *В глазах зависти она уже не была глупой, тщеславной любовницей директора фабрики, которая добилась своей цели в жизни, выйдя замуж.* Любовница всегда оказывается в любовном треугольнике на позициях второй женщины (*Zweitfrau, Nebenfrau*). *Er ist verheiratet, und ich bin wieder **die gelackmeierte Zweitfrau*** [Jentsch, [Kerstin: Seit die Götter ratlos sind, München: Heyne 1999 [1994], S. 258]. Перевод: *Он женат, а я снова оказалась обманутой любовницей.* В немецком языке для обозначения любовницы и любовных отношений используются такие метафоры как *Schattenfrau, Schattenliebe* (*тайная (тенева) жена, тайная (тенева) любовь.*). Например, название романа Hedi Schulitz «Die Schattenfrau».

Рассмотрим стереотипные маскулинные качества. 1. **Мужчина – добытчик и защитник.** Женщины предпочитают и любят сильных и успешных мужчин (*защитник, добытчик, сильный, успешный*): *Может быть, это и нехорошо, с твоей точки зрения, но я могу любить только **сильного и успешного мужчину.*** *Мужчина — глава семьи, защитник. Да, и добытчик* [Марина Полетика. Однажды была осень, 2012]. Отрицательными качествами настоящего мужчины являются слабость и нерешительность: *Анне женская интуиция подсказывала, что перед ней **не мямля, не слабак, не маменькин сынок, а достойный представитель сильного пола*** [Е.В. Колина. Дневник измены, 2011]. В данном примере слова *мямля, слабак, маменькин сынок* относительно мужчины употребляются в качестве порицающих слов. Настоящий мужчина смелый, сильный и отважный: ***Dein Mann ist ein Held in dieser Welt! Welcher Mann wünscht sich das nicht?*** [Cornelia Funke. Tintentod, 2007]. Перевод: *Твой муж-герой в этом мире! Какой мужчина не хочет этого?* Как показал анализ практического материала, несмотря на все дискуссии о гендерном равенстве, остается традиционное распределение ролей (мужчина – добытчик, женщина – хранительница очага), что устраивает женщин и мужчин. Традиционные модели поведения укоренились глубоко в сознании. 2. **Мужчина – романтик и джентльмен.** Стереотипный образ романтика и джентльмена реализуется словами и словосочетаниями: *вежливый, обходительный, рыцарь, романтик высшей пробы, **romantische Romantiker, Gentleman, Kavalier, ein galanter Held, romantische Verehrer*** и др. Настоящий мужчина рыцарь: *Прими все удары на себя, **ты мужчина, ты рыцарь.*** [Светлана Василенко. Дурочка]. Главными качествами мужчины романтика и джентльмена являются: *Geborgenheit* (уют, защищенность), *Zuwendung* (внимание, забота), *Zärtlichkeit* (нежность), *ein bisschen Geld* (немного денег), *guten Geschmack* (хороший вкус), *Tugenden* (добродетели), *Höflichkeiten* (вежливость, любезность). 5. **Мужчина – герой-любовник.** Стереотипный образ мужчины, который соблазняет женщин,

флиртует, репрезентируется следующими словами и словосочетаниями: *бабник, мачо, дамский угодник, блядун, кобель, волочиться за женщинами, приударить за женщинами, Frauenheld, Frauenjäger, Herzensbrecher, Mädchenfänger, Schürzenjäger, Playboy, Weiberheld, Verführer, jedem Rock nachsteigen, nur Weiber im Kopf haben, jedem Weiberrock hinterherlaufen, viel Erfolg bei Frauen haben, der charmanteste Ladykiller* и др. Например: *Женщина любит один раз, но навсегда, а мужчина, точно борзой кобель...* [А.И. Куприн. Яма]. Сочетание «борзой кобель» в русском языке имеет неодобрительный оттенок и обозначает похотливого мужчину. Иногда стереотип бабника может быть маской: *Jedem Rock, den er sieht, muß er nachsteigen, und als wäre das nicht schon unerträglich genug, ist er ein Frauenheld nur zur Tarnung* [Venske, Regula: Marthes Vision, Frankfurt am Main: Eichborn Verlag 2006, S. 162]. Перевод: *Ему приходится лезть за каждой юбкой, которую он видит, и, кажется, это уже невыносимо, он бабник только для маскировки.*

6. Мужчина-подкаблучник. Как показал анализ текстов современной художественной прозы, стереотип мужчины как добытчика и защитника претерпевают изменения, мужчина приобретает фемининные качества (*подкаблучник, неудачник, маменькин сынок, слабак, «баба», размазня, тюфяк, Pantoffelheld, Muttersöhnchen, Mutterkind* и др.), которые характеризуются негативной оценочностью. Выражение «*быть под каблуком*» в русском языке и «*unter dem Pantoffel stehen*» в немецком языке употребляется относительно мужа, которые не имеет своего собственного мнения, находится в подчинении у жены. *Один совсем не пьет, другой подкаблучник, третьего, наверно, еще от мамкиной груди не отлучили.* [А.Б. Сальников. Отдел // «Волга», 2015]. Ср.: *Er stehe ganz unter dem Pantoffel Madames, seiner Haushälterin oder vielleicht auch seiner Frau, das wisse man nicht.* [Feuchtwanger, Lion: Erfolg. In: ders., Gesammelte Werke in Einzelbänden, Bd. 6, Berlin: Aufbau-Verl. 1993 [1930], S.757]. Перевод: *Он полностью находится под властью мадам, своей экономки или, может быть, своей жены, этого никто не знает.* Достаточно часто встречается выражение «*маменькин сынок*», которое используется для иронического обозначения несамостоятельного инфантильного мужчины в рамках оппозиции «слабый-сильный», т.е. репрезентируется фемининный образ мужчины: *Михаил, наверно, маменькин сынок, капризный, избалованный, изнеженный, и спортом никогда не занимался* [Александра Маринина. Мужские игры].

Слот 2. «Гендерная роль в семье / Geschlechterrolle in der Familie» содержит информацию о стереотипных семейно-родственных ролях женщины и мужчины в русской и немецкой лингвокультурах. Наиболее часто встречающимся типичными характеристиками мужа являются следующие лексические репрезентанты: *новый, бывший, разведенный, любящий, непутевый, гулящий, чужой человек, бездельник, ehemaliger Ehemann, vorsorglicher Mann, richtiger Eheherr, eifersüchtiger Ehemann, vortrefflicher Mann, treuer Ehemann, treuloser Ehemann, ein vorbildlicher Ehemann, der besoffene Ehemann* и др. В художественном дискурсе стереотипный образ жены представлен *заботливой, убирающей, готовящей, гостеприимной, работающей, покорной, бывшей, любимой, капризной, молодой, ревнивой, несчастной, обманутой, брошенной* и т.д. Женщина одновременно исполняет обязанности жены и домработницы:

Однажды утонченный и одухотворенный поэт влюбился в Зинаиду Нейгауз, вечно стирающую, чистящую, готовящую, убирающую – жену и домработницу в одном лице известного пианиста [Анна Русских. Направо пойдешь... налево пойдешь // «Ковчег», 2015]. Интересными являются стереотипные представления о старой деде, которые совпадают в изучаемых лингвокультурах. Стереотип старой девы в русскоязычном и немецкоязычном художественном дискурсах эксплицируется пренебрежительно иронично. *Жалкая, трусливая старая дева, обросшая с ног до головы комплексами* [Ирина Павская. «Джоконда» Мценского уезда, 2006]. На немецком языке: *Sie war eine unbegüterte Verwandte der Langhals', eine gutmütige und schwatzhafte alte Jungfer, die den Namen einer Familie aus der ersten Gesellschaft trug, ohne dieser Gesellschaft doch zuzugehören, die nicht zu großen Dinern und Bällen, sondern nur zu kleinen Kaffeekreisen gebeten ward und mit wenigen Ausnahmen von aller Welt «Tante Lottchen» genannt wurde* [Thomas Mann. Buddenbrooks (1896-1900)]. Перевод: *Покупательница эта была бедная родственница Лангхальсов, добродушная и болтливая старая дева, которая, несмотря на свою громкую и аристократическую фамилию, отнюдь не принадлежала к высшему кругу. «Тетю Лотхен», как ее, за редкими исключениями, звал весь город, никогда не приглашали на парадные обеды и балы, а разве что на чашку кофе* [Томас Манн. Будденброки (пер.Н.Ман, 1953)]. Стереотипный образ свекрови в русской лингвокультуре репрезентируется преимущественно лексикой с негативным оттенком. Свекровь всегда вмешивается в жизнь семьи сына особенно его жены: *Свободы не прибавилось, наоборот: моя свекровь Анна Марковна зажала меня в такие клещи, что не продохнешь.* [Нина Катерли. На два голоса // «Звезда»]. В немецкоязычном художественном дискурсе стереотипный образ свекрови представлен более нейтрально, но все-таки слово *Schwiegermutter* употребляется в сочетании с негативно окрашенной лексикой, например, *böse Schwiegermutter* (злая свекровь), *keifende Schwiegermütter* (ворчливые свекрови).

Слот 3. «Профессиональный статус / Berufsstatus» содержит информацию о стереотипных, оценочных представлениях о профессиональном статусе женщины и мужчины. Гендерные стереотипы фемининности и маскулинности в художественной картине мира отражаются в названиях профессий, например: Рассмотрим достаточно яркий пример из романа Ф.Ф. Тютчева, написанного в 1892 году: *Положение Веры Дмитриевны было тем тяжелее, что неразвитое провинциальное общество смотрело глазами ее мужа; по его понятию: актриса, музыкантша, хотя бы и консерваторка, писательница, женщина, занимающаяся живописью, и курсистка — подходили под общую категорию* [Ф.Ф. Тютчев. Кто прав?]. В приведенном примере автор употребляет существительные женского рода, называющие женские профессии: *актриса, музыкантша, консерваторка, писательница, курсистка*. Такие профессии, как *уборщица, прачка, швея, медсестра, няня, учительница, акушерка, кладовщица, косметолог* и др. представлены только в качестве женских. А такие профессии как *директор, инженер, водитель, грузчик, начальник, слесарь* и др. являются типично мужскими. Это свидетельствует о том, что обозначения стереотипно женских и мужских профессий реализуется в рамках оппозиции «сила-слабость». В русском языке названия профессий, которые являются изначально

мужскими, не имеют женского рода. И наоборот, изначально женские сферы деятельности не обозначены названиями с мужским родом, что нашло свое отражение в художественной литературе. *Она — простая медсестра, — объяснил Женька, — а у простых и речь простая. Делают в больнице что хотят. Балерина-балерун, проститутка-проститут... Когда на дежурстве скука и пьянство, тогда и русал — предел мечтаний* [Екатерина Романова, Николай Романов. Дамы-козыри]. Такие обозначения профессии как *врачиха, медичка, докторица, докторка, докторша, деканша, директрица, директорша* и т.п. имеют снижено-разговорный, а иногда и негативный оттенок. После революции 1917 года в России женщины активно привлекались к разным сферам трудовой деятельности. Гендерные статусно-ролевые характеристики стали меняться, женщины стали осваивать «мужские» профессии *трактористки, машиниста подъемных кранов, летчицы, водителя трамваев, комбайнера, строителями, рабочего* и др. Однако маскулинизация профессионального рода деятельности женщин привело к тому, что рождаемость упала, поэтому на государственном уровне стали пропагандировать возврат к традиционным ценностям. Социальной сферой деятельности женщин стали медицина и образование что отражается в художественном дискурсе: *Знакомьтесь? Ну, это просто ученая женщина. Врач* [М.А. Булгаков. Адам и Ева. Пьеса в четырех актах].

Известно, что в немецком языке как известно для обозначения «женских» профессий или рода деятельности используется *-in* в конец слова или прибавляется *-mann* или *-frau*, т.е. от любого существительного может быть образовано слово женского рода например: *Arzt – Ärztin, Architekt – Architektin, Bankkaufmann – Bankkauffrau, Berater – Beraterin, Kanzler – Kanzlerin, Rechtsanwalt – Rechtsanwältin* и др. *An ihrem Beruf als Straßenbahnschaffnerin, den sie seit ein paar Jahren hatte, mochte sie die Uniform und die Bewegung, den Wechsel der Bilder und das Rollen unter den Füßen.* [Schlink, Bernhard: Der Vorleser, Zürich: Diogenes 1995, S. 40]. Перевод: *Что ей нравилось в ее работе кондуктором трамвая, которой она занималась уже несколько лет, так это униформа и движения, смена образов и катание под ногами.* Но все же профессии разделяются на «женские» и «мужские». Женщины работают преимущественно в профессиях, связанных гуманитарной областью, а мужчины в профессиях, связанных с высокой физической нагрузкой, с опасными условиями труда, а также в научной сфере.

В третьей главе «Репрезентация гендерных стереотипов в художественном дискурсе в аспекте невербальной семиотики» выделены и проанализированы кластеры невербальных знаков, поддерживающих процесс языковой актуализации гендерных стереотипов фемининности и маскулинности. Фемининность и маскулинность актуализируются через невербальные знаки, репрезентирующие физиологические, внешностные, психические и поведенческие характеристики женщины и мужчины (мимика, жесты, походка, позы, телодвижения, одежда, аксессуары, вещное окружение, предпочтения в пище и др.). В процессе анализа компонентов невербального коммуникативного поведения женского и мужского персонажа в художественном дискурсе были выделены и описаны следующие невербальные знаки фемининности и

маскулинности: знаки-кинемы, проксемические знаки, знаки-колоронимы, знаки-процессивы, ольфакторные знаки, гастические знаки, знаки-фэшионимы, которые выражаются гендерно маркированными лексическими единицами. Отличия в невербальном коммуникативном поведении женщин и мужчин репрезентируются в рамках оппозиций «слабость-сила», «доминирование-подчинение», «уверенность-неуверенность», «агрессия-миролюбие».

Невербальные семиотические знаки фемининности объективируют стереотипные качества и характеристики женщины:

- **эмоциональность, театральность:**

- ✓ знаки-кинемы (*закатила глаза, закусила губу, надула губки, заламывала руки, всплеснула руками, заливаясь свекольно-ярким румянцем, топала ногами, schmachtenden Blick schenken, machte Mädchen, streicht sich kokett mit Daumen und Zeigefinger übers Kinn, leise Röte das schöne Antlitz färbte* и др.);

- ✓ знаки-просодемы (*взвизгнула, повизгивала, рыдала навзрыд, притворно ахнула, sie kreischte, heulen*);

- ✓ ольфакторные знаки (*пряный восточный аромат духов, ein Hauch von Lavendel*);

- ✓ знаки-процессивы (*poetisches Geplauder, las französische Romane*;

- ✓ гастические знаки (*беря ломтики изящно, двумя пальчиками, жеманно отставив мизинец, откусывала от краешка бутерброда, aß mit abgespreizten Fingern*);

- **кокетство, обольщение противоположного пола:**

- ✓ знаки-кинемы (*бросали томные взгляды, игриво подмигнула, кокетливо облизывать верхнюю губу, leckt sie sich, durchaus kokett, über die Oberlippe*);

- ✓ проксемические знаки (*вильнула бедрами, игриво подмигнула, вихляющей походкой супермодели, дразнящей танцующей походкой, schwenkte ihren Hintern als Dirne*);

- ✓ знаки-просодемы (*мурлыкала, ворковать, капризно протянула она, сладко пропела, промурлыкала, преувеличенно нежно щепеча в ушко, кокетливо щепемала, flöten, säuselte sie vom Bett her, säuselt eine warme Frauenstimme, turteln, schnurren*);

- ✓ знаки-фэшионимы (*преувеличенное декольте, обтягивающая блузка, мини юбка, яркая юбка выше коленок, черные чулки в сеточку, каблуки, помада, сапоги-чулки, яркая юбка выше коленок, преувеличенное декольте, ящерицатату в зоне бикини, Strümpfe, das Rouge des Mundes, auf hohen Absätzen, tiefe Dekolletés, ausgeschnittenes Damenkleid, Korsett, in geschnürten Miedern und Schneppentailen, Puderdose, Nagellack, Lippenstift, Haarnadeln*);

- ✓ ольфакторные знаки (*шлейф духов, тонкий аромат французских духов, sie roch wie eine ganze Parfümerie*);

- ✓ знаки-колоронимы (*ярко-лиловые ногти, легчайший розовый шелк, ein feuerrotes Kostüm, ein Morgenrock aus lachsfarbener französischer Seide, schminkte die Lippen karminrot*);

✓ гастические знаки (*осторожно, по одной, она ела землянику, откусывала маленькими кусочками, кокетливо брала в рот маленькие кусочки пирожного, и бутылку белого французского, Süßes, Wein, Baileys, Eierlikör, die süßen, bitteren Amaretti*);

- **болтливость:**

✓ знаки-процессивы (*висела на телефоне, телефонный треп, Geheimnisse ausplaudern, schwatzten zwei Freundinnen mit Turmfrisuren über Supermarktsortimente*);

- знаки-просодемы (*тарахтеть, кудахтать, протрещала она, без умолку трещавшая по телефону, zwitschern, wirbeln, munkeln*);

- **заботливость, хозяйственность:**

✓ ольфакторные знаки (*пахнет корицей, яблоками, сахарной пудрой, ванилью, марципаном, слоеным тестом, пропитанным медом и орехами, от нее пахнет арбузом или парным молоком, стиральным порошком, ситцем и яблоками, der Duft des Tages und der Arbeit: Zwiebel oder Fisch oder gebratenes Fett, Waschlauge oder Bügelhitz*);

✓ знаки-процессивы (*готовить, обстирывать, шить и ходить по магазинам, хлопотать, schrubbte, putzte, wusch, kochte, nähte, fütterte die Hühner, strickte und stopfte, im Garten arbeiten, kümmerte sich um Enkel*);

- **слабость, незащитность:**

✓ проксемические знаки (*легла, свернувшись калачиком, подтянув под себя ножки, sich zusammengerollt, saß zusammengekauert*);

- знаки-просодемы (*робко сказала, заревела, взвыла, дрожащим голосом вымолвила, turtelte sie, heulen*);

- **забота о внешней красоте:**

✓ проксемические знаки (*сделать шоппинг, йогу, массаж, шейпинг, иглоукалывание для снижения аппетита, красит ногти, strenge Diät, in die Läden rasen, erbarmungslos auf Fitness gesetzt haben, sich frisieren, maniküren und schminken*);

✓ гастические знаки (*овощной салатик, не сильно обремененный калориями, овощи, фрукты, рыба, йогурты, Vegetarisches, Milchspeisen, Joghurt auf ihr Müsli, Cornflakes, Äpfel, Orangen*);

✓ знаки-фэшионимы (*в мягком кашемировом костюме «Шанель» цвета электрик, тонкие кружева, палантин из драгоценной шиншиллы, бриллиантовое кольцо, Perlenkette, Schuhe aus Krokodilleder, samtiger Reifrock, ein Ring mit einem Diamanten von ungewöhnlicher Größe, die feinen Stoffe ihrer Kostüme*);

✓ ольфакторные знаки (*надушилась «Нина Риччи», манящий запах, французские духи, duftet dezent nach Chanel No. 5, Wolken teuren Parfüms*).

Невербальные семиотические знаки маскулинности объективируют стереотипные качества и характеристики мужчины:

- **уверенность в себе, самодовольство, доминирование:**

✓ знаки-кинемы (*ковырял в зубах, надутые щёки, ухмыляется мужчина, sah jedem so gerade ins Gesicht*);

✓ проксемические знаки (*сидел на стуле важно, развалившись, широко расставив ноги, мощно и тяжело ступая, er stand breitbeinig, mit festem, sicherem Schritt, gleitender, federnder, brutaler Gang*);

✓ гастические знаки (*поглощал свое мясо, проглотил бифштекс с кровью, ел со сковороды, мясо, водка, жирный пирожок с луком, селедка, тарелка жареной картошки со свиной, рюмка водки, текила, горилка, eiskaltes Bier, Schnitzel mit Salat, ein großes, blutiges Beefsteak, Schnaps, Whisky, Cognac, Wodka, goß das Bier in die Kehle, das Fett von den Lippen übers Kinn lief*);

✓ ольфакторные знаки (*благоуханием «Baldessarini» от «Хьюго Босс», бензо-масляный аромат мотора пахнет ракией и водорослями, ароматный табачный дым, мужской табачный запах, табаком и мускусом, roch nach Benzin, nach Tabak, Rasierwasser, und Zigarettenqualm, roch nach Zigaretten, Rasierwasser, Alkohol und Pfefferminz*);

✓ знаки-фэшионимы (*шляпа на затылке, приспущенный галстук, сامةц в кашемировом пальто, двухдневная щетина, сигарета в углу рта, татуировка, канадская стрижка, бритые затылки, стрижка под «полубокс», «стрелки» и «тёрки», «джипы» и «мерседесы», über und über tätowiert sein*);

✓ знаки-процессивы (*показывает пародии, травит анекдоты, рулить одной рукой, настоящие мужчины играют в хоккей, стучать нардами, Couch-Abende mit Bier, manche Schwänke und Schnurren, das kühle Fieber der Jagd, Hockey spielten, spiele Billard, eine Partie Schach spielen*);

✓ знаки-просодемы (*гремел, зазвучал вечевым колоколом, грозно прогудел его голос, его голос налил силой, brummen; er brüllte*).

- **галантность, джентльменство:**

✓ знаки-кинемы (*взявшись за руку, он ее торжественно поцеловал, открыл дверцу автомобиля, поддерживал ее за локоть, уступил место, почтительно целуя ее руку, благородно помог донести сумку, Tür aufhalten, ihre rechte Hand locker und galant an seine Lippen zu heben*);

✓ знаки-фэшионимы (*галстук-бабочка, цилиндр, трость, перстень, шляпа, фрак, кремовый двубортный костюм из тонкой фланели, бамбуковая трость с ручкой-набалдашником, замшевый жилет с перламутровыми пуговицами и бледный кашемировый галстук, gute Tweedjacke, Manschettenknöpfen, einen weiten, braunen Raglan aus Kamelhaar, Haaren in einer silbernen engen Schlaghose, in einem beigefarbenen Anzug, eine große goldene Uhr von feiner Arbeit*);

✓ знаки-колоронимы (*синий фрак с бронзовыми пуговицами, костюм цвета «кофе с молоком», Olivgrün, Anthrazit oder Blau, der grauhaarige Gentleman*);

- **грубость, агрессивность, брутальность**

✓ знаки-кинемы (*скрежетал зубами, сжимая кулаки, глаза наливаются кровью, грубо толкнул в плечо, тряхнул, грубо схватил, сплюнул сердито на сторону, gab einen brutalen Stoß, einen grimmigen Blick, sich zwischen den Zähnen herauspulen, seine Armhöhlen rieb und gähnte*);

✓ знаки-просодемы (*грубо прервал, резко перебил, рыкнул на него, ржать, гоготать, прорычал, seine Stimme klang scharf, hochachtungsvoller Ton, das rohe Gelächter, rauhe Stimme, raube Stimme, harter barscher Baß, aggressiver und ironischer Ton*);

✓ знаки-процессивы (*грубо играть в хоккей, боксировать, боксер в спарринге, гонять на машинах, boxen, Eishockey spielen, Automobilrennen*);

✓ знаки-фэшионимы (*кожаные потертые штаны, молодец в военной форме и с кобурой на поясе, черная пистолетная рукоять — тяжелый «ТТ», стриженный наголо, кожаная куртка, спортивный костюм, тяжелые военные ботинки, модные тупоносые ботинки, тяжелые военные ботинки, bekleidet mit einer braunen Lederjacke, braune Lederjoppe, Lederjacke, Lederhosen, abgewetzte Lederhosen, englische Schnürstiefel, Cowboy-Hose*);

✓ знаки-колоронимы (*длинных пальто коричневого и черного цвета, черные брюки, Khaki der Uniformen, braun und schwarz*).

Как показал анализ практического материала, изучение невербальных знаков поведения персонажа способствуют выявлению и описанию стереотипов феминности и маскулинности в художественном дискурсе. Исследование типичных мужских и женских образов в художественном дискурсе в аспекте невербального коммуникативного поведения позволило выделить и проанализировать кластеры невербальных знаков, поддерживающих процесс языковой актуализации гендерных стереотипов феминности и маскулинности.

Прецедентное имя в художественном дискурсе мы рассматриваем как семиотический знак актуализации гендерного стереотипа феминности/маскулинности и способ репрезентации специфики этнокультурной картины мира в русской и немецкой лингвокультурах. Прецедентные имена в художественном дискурсе репрезентируют гендерно обусловленные стереотипные поведенческие паттерны женщин и мужчин: физиологические, внешностные, психические и поведенческие характеристики женщины и мужчины: *Bis ich so schön wie Apollo, so gütig wie Jesus Christus, so weise wie Bismarck und so reich wie Vanderbildt sein werde!* [Altenberg, Peter: Was der Tag mir zuträgt. In: Deutsche Literatur von Lessing bis Kafka, Berlin: Directmedia Publ. 2000 [1901], S.541]. Перевод: *Пока я не стану таким же красивым как Аполлон, таким же добрым, как Иисус Христос, таким же мудрым, как Бисмарк, и таким же богатым как Вандербильдт!* В данном примере мужская красота: *schön wie Apollo*; мужская добросердечность: *gütig wie Jesus Christus*; мудрость: *weise wie Bismarck*; успешность и богатство: *reich wie Vanderbildt*. Аполлон – это символ мужской физической красоты, Иисус Христос является олицетворением доброты, Отто фон Бисмарк, первый канцлер Германии, олицетворяет ум и мудрость, а имя Корнелиуса Вандербильта, богатейшего и успешнейшего предпринимателя США XIX века, является символом богатства и успеха. Таким образом, реализуются качества идеального мужчины: красота, ум, доброта и богатство.

Прецедентное имя в художественном дискурсе метафорически репрезентирует стереотипные характеристики и качества, присущие женщинам и мужчинам (*Геркулес, Джеймс Бонд, Мальвина, Клеопатра* и др.). Например:

Ленька вкусно храпел, широкогрудый, мускулистый, как Геркулес в Пушкинском музее [А. Кузнецов. Продолжение легенды. Записки молодого человека]. Внешностные характеристики женщины или мужчины вербализуются с помощью прецедентных имен, актуализирующих черты лица (*рубенсовская женщина, брежневские брови* и др). *Смугловатое лицо, ореховый цвет глаз, орлиный нос, черные буденовские усы...* [Д. Каралис. Записки ретро-разведчика]. Словосочетание *буденовские усы* в данном случае обозначает густые и длинные, закрывающие всю верхнюю губу, усы, которые были яркой частью образа легендарного маршала Семена Буденного.

Рассмотрим прецедентные имена, актуализирующие стереотипы женской красоты: *Мартын на переднем краю исполинской борьбы за всеобщее соответствие идеалу — стандарту вечно юной стройной девушки с длинными навоощенными ногами, стиральной доской живота, высокой и упругой грудью и, наконец, лицом, где эротический соблазн математически сосчитан и вычерчен как по лекалам (от точки смыкания губ Анджелины Джоли до пика подбородка Сальмы Хайек, от козелка Скарлетт Йоханссон до нижнеглазничного края Миллы Йовович)* [Самсонов Сергей Анатольевич > Кислородный предел]. В данных примерах для репрезентации типично фемининных характеристик внешности используются имена известных актрис и супермоделей мирового уровня Анжелины Джоли, Сальмы Хайек, Скарлетт Йоханссон и Миллы Йовович.

Внешность известного голливудского актера Марлона Брандо является эталоном мужественности, сексуальности и мужской красоты: *Нечеловечески красивая Лида в чёрно-белом сарафане в горах стоит в тени скуластого мачо, ранней копии Марлона Брандо, позирующего по какому-то спортивному поводу в семейных трусах и майке* [Игорь Сахновский. Заговор ангелов (2009)].

Прецедентные имена выступают средством репрезентации образа женщины с пышными формами: *Среди складок белых простынь, подобным складкам, в которых умирал Цезарь, спит, тихо похрапывая, рубенсовская женщина Анна* [Э. Лимонов. Молодой негодяй].

Длинные волосы как знак фемининности ассоциируются с именем Рапунцель, героини сказок братьев Гримм, у которой были длинные золотые волосы: *Ob du eine flotte kurze Frisur hast oder das Haar so lang wie Rapunzel trägst, wenn die Haare fettig und strähnig sind, wirkt das ungepflegt* [Braun, Anne u. Nell, Edith: Man muß sich nur zu helfen wissen, Leipzig: Verl. für die Frau 1971, S. 77]. Перевод: *Независимо от того, носите ли вы яркую короткую причёску или длинные волосы, как у Рапунцель, если ваши волосы жирные и жесткие, они выглядят неопрятными.*

Привлекательный, атлетически сложенный мужчина ассоциируется с именами древнегреческих богов Аполлона и Адониса, например: *А сейчас я видела юношу, которому мог позавидовать Адонис или сам Аполлон* [Н. Нестерова. Избранник Евы].

Эталон женской и мужской красоты репрезентируется с помощью следующих прецедентных имен: *Клеопатра, Софи Лорен, Мэрилин Монро, Апполон, Адонис, Ален Делон, Джеймс Бонд* и др.

Женская красота, горделивая осанка и величавость ассоциируются с именами цариц Тамары и Клеопатры, например: *И познакомился я, братцы, в медсанбате с одной женщиной — фигурка, грудки, ножки, задумчивые глазки, скажу вам, как небесный ангел, а по внешности — царица Тамара.* [Юрий Бондарев. Берег (1975)].

Склепова полулежала на кожаном диване, томно раскинувшись, как **царица Клеопатра** [Дмитрий Емец. Таня Гротгер и колодец Посейдона (2004)].

Имя известной американской актрисы 20 века Мэрилин Монро является эталоном женской сексуальности: *То есть талия на три сантиметра тоньше, чем у Мэрилин Монро* [П.Акимов. Плата за страх].

Сексуальность ассоциируется с именем американского актера Кевина Костнера: *Er riecht sogar nach Rasierwasser, rosig-herb, obwohl er sich nicht täglich rasiert, denn sonst hätte er nicht so einen sexy» Drei-Tage-Bart «wie Kevin Costner* [Dölling, Beate: Hör auf zu trommeln, Herz, Weinheim: Beltz & Gelberg 2003, S. 154]. Перевод: *От него даже пахнет лосьоном после бритья, хотя он и не бреется каждый день, иначе у него не было бы такой сексуальной «трехдневной щетины», как у Кевина Костнера.*

А имя знаменитого французского киноактера Алена Делона стало нарицательными по отношению к идеалу мужской красоты: *Странно, конечно, что, имея довольно большой выбор, Катя остановилась на парне не своего круга, но, с другой стороны, может, он хорош собой, как молодой Алэн Делон?* [Д. Донцова. Доллары царя Гороха].

Сексуальность, некоторая развратность женщины связаны с именем Лолиты, героини романа В.Набокова: *В стильных рваных джинсах и пестром полупрозрачном топике она выглядела весьма соблазнительно — такая Лолита, смесь порока и невинности* [Татьяна Тронина. Никогда не говори «навсегда» (2004)].

Женская заботливость, доброта и бескорыстность ассоциируются с именем матери Терезы, например: *Мать Тереза ты наша, умница, доброе сердце.* [Екатерина Завершнева. Высотка (2012)].

Литература является источником прецедентных имен. Фразеологизм «тургеневская барышня» – это обобщённый образ героинь произведений И.С. Тургенева, используется в значении «романтическая девушка» для обозначения слабой, хрупкой, неприспособленной к жизни женщины. *Техника, правда, переворачивает мир и человека, но куда?—... Наверно, я слабачка, тургеневская барышня, анахронизм. — Нет, не так* [А. В. Кузнецов. Огонь // «Юность» № 3-4. 1969]. Приведенный пример показывает, что такой тип женщин воспринимается уже старомодным, т.е. фемининные качества претерпевают изменения.

Прецедентное имя *Отелло* употребляется для актуализации такого качества как ревность, которая может быть женской и мужской, например: *За версту видно, как она ревнует. Прямо Отелло в женском обличье. Я как-то позвонила к вам домой* [Ксения Яхонтова. Смятение Анастасии (1996-1998)].

Способность мужчины к большим победам связан с именем *Наполеона Бонапарта*: *Мадам, сказал Марат, стараясь чаще показывать ей свой энергичный*

профиль, в любви я Наполеон! [Фазиль Искандер. Сандро из Чегема (Книга 3) (1989)].

В русской лингвокультуре имя актера Владимира Машкова ассоциируется с мужественностью: *А он тоже мужественный, но... Она мучительно подбирала слова: Он как смесь между тобой и Машковым* [Григорий Пашковский. А потом пошел снег // «Октябрь», 2013].

Имена нарицательные *Дон Жуан*, *Альфонс* и *Казанова* ассоциируются с мужчинами-ловеласами, вечными любовниками, например: *Weder ist mir klar, ob er ein treuer Ehemann und guter Vater oder ein Casanova ist, noch erfahren wir viel über sein Privatleben.* [Noll, Ingrid: Ladylike, Zürich: Diogenes 2006, S. 127]. Перевод: *Мне неясно, верный ли он муж и хороший отец или Казанова, и мы мало что знаем о его личной жизни.* Также: *Nur aus seiner dummen Frechheit schöpft er die Kraft, ein sieghafter Don Juan zu bleiben!* [Altenberg, Peter: Prödromos. In: Deutsche Literatur von Lessing bis Kafka, Berlin: Directmedia Publ. 2000 [1906], S. 1030]. Перевод: *Только в своей глупой наглости черпает он силы оставаться победоносным Дон Жуаном!*

Как показал анализ материала, сферами-источниками прецедентных имен как особых семиотических знаков репрезентации стереотипов феминности и маскулинности являются литература, кино, сказки, древнегреческие мифы, мировая культура. Прецедентные имена, маркируя этнокультурную специфику поведения женского и мужского персонажа, отражают гендерные стереотипы феминности и маскулинности.

Таким образом, в художественном дискурсе вербализованные гендерные стереотипы выступают средством конструирования женского и мужского образа, репрезентируя особенности характера, внешности, поведения, вещного окружения женского и мужского персонажа.

Заключение содержит итоги работы и перспективы дальнейшего исследования.

Перспективные направления дальнейшего исследования мы видим в изучении невербальных семиотических знаков репрезентации гендерных стереотипов в других типах дискурса, например, в политическом дискурсе, медиадискурсе, дискурсе моды.

Основные положения и научные результаты диссертационного исследования изложены в следующих публикациях:

Научные статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях (по перечню ВАК при Минобрнауки РФ):

1. Таценко М.С. Хачмафова З.Р. Актуализация концептов «ФЕМИНИННОСТЬ» и «МАСКУЛИННОСТЬ» в художественной картине мира: когнитивно-фреймовый подход // «Вестник АГУ». Выпуск 3 (282). 2021. С.89-96.
2. Таценко М.С. Вербализация знаков феминности и маскулинности в художественном тексте // Современный ученый. №3. 2021. С.181-185.
3. Таценко М.С. Прецедентные имена как средства актуализации знаков феминности и маскулинности в художественном дискурсе // Modern Humanities Success /Успехи гуманитарных наук. №1. 2023. С.125-130.

4. Таценко М.С. Невербальные знаки маскулинности и их языковая репрезентация в художественном дискурсе (на материале русского и немецкого языков) // Гуманитарные и социальные науки. № 2. 2024. С. 122-128.

5. Таценко М.С. Невербальные компоненты маскулинного коммуникативного поведения персонажа в художественном дискурсе (на материале русского и немецкого языков) // Филологический вестник. №3. 2024. С.64-71.

Публикации в других изданиях:

6. Таценко М.С. Вербализация понятийных признаков концепта женщина в художественной прозе (синхронно-диахронный подход) // Научно-методическое обеспечение преподавания иностранных языков на неязыковых факультетах в свете теории и практики межкультурной коммуникации. Межвузовский сборник. № 17. 2021. С. 63-67.

7. Таценко М.С. Linguistic representation of nonverbal signs of femininity: fictional discourse // Материалы международной конференции «Scientific research of the SCO countries: synergy and integration». Пекин, КНР. 2022. С.44-48.

8. Таценко М.С. Фразеологическая репрезентация гендерного стереотипа маскулинности в русской лингвокультуре // WORLD OF SCIENCE: сборник статей IV Международной научно-практической конференции. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение». 2023. С.140-142.

9. Таценко М.С. Семиотическая репрезентация концепта «ФЕМИНИННОСТЬ» в художественном дискурсе // Материалы II Международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора Андрея Владимировича Оляничя «Культура. Коммуникация. Дискурс: актуальные вопросы полиязычного пространства». Волгоград: ФГБОУ ВО Волгоградский ГАУ, 2023. С.127-133.